

Глава 27

Давней тёмной ночью гость в снежных одеждах

Ещё в тот миг, когда он пробудил божество, занимающее пустующий престол, он был готов сразиться с ним и даже перевернуть шахматную доску.

Дань Фэн, слыша его холодное сердцебиение, всё понял.

После поражения Куньлуньского раба сила Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости значительно ослабла.

Но чтобы по-настоящему убить его, нужно было уничтожить его веру, прервать жертвоприношения и снова превратить его в глиняную куклу.

Поэтому Се Хунъи заранее прибрал к рукам лавки со свадебными атрибутами — не только чтобы спасти гостей, но и чтобы в нужный момент нанести удар.

Превратить свадебную радость всего города в проклятие — всё равно что вонзить нож в сердце бога брака!

Сколько ходов этот парень продумал заранее?

И как противник, и как союзник, он вдушал леденящий ужас.

Дань Фэн бросил взгляд на божество, и в его глазах вспыхнул золотой свет, словно восходящее солнце.

Раз уж он ввязался в это дело, он поможет Се Хунъи довести его до конца.

— Приказ градоначальника!

Несколько слов, сорвавшихся из его даньтяня, перекрыли ночной плач призраков под тронем божества.

Готовая обрушиться Башня Юньшао в последний раз содрогнулась, разнося его голос по всему городу.

Четыре стороны городских ворот, сотни узких переулков — его громоподобный приказ достиг каждого уголка, и все жители города подчинились ему!

— Немедленно отправляйтесь в лавки со свадебными атрибутами! Обратите удачу в несчастье, разрушьте счастливые браки!

— После этой ночи не будет больше Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости!

Никто не знал свадебные атрибуты в городе лучше, чем эти гости.

После короткой тишины из разных концов города выбежали бесчисленные фигуры и устремились к лавкам. После пережитого этой ночью их глаза горели красным, а воздух был пропитан яростью.

В лавке с зеркалами-луань бесчисленные заклинания обрушились на зеркала, и пол покрылся осколками. Призрак раскрашенной кожи взвизгнул и исчез. Разбитое зеркало — к несчастью. Разбить!

В лавке с благовониями и фруктами целители, сверкая духовным светом на кончиках пальцев, уничтожали различные подношения. Целую корзину зелёных груш и гнилых персиков, под ругань маленьких призраков, они швырнули на брачное ложе. Персики и груши — к разлуке. Разрушить!

В лавке подношения гусей самок сняли с крюков и заменили их жабами, связав вместе с самцами. Небо и земля, им больше никогда не быть вместе. Разрушить!

С уничтожением каждого свадебного атрибута в воздухе раздавался звук трескающегося фарфора.

— Дерзкие смертные! Как вы смеете! — взревел Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости.

Его истинное тело получало тяжёлые удары. Шесть глаз резко сузились, из них хлынул ослепительный кровавый свет. Алый туман заполнил всё ночное небо, и в его центре возник алтарь.

В алтаре, в паутине красных нитей, была заключена глиняная кукла в наряде феникса — Невеста Ванцзин.

Вокруг неё стояли глиняные куклы поменьше, связанные красными нитями попарно. Сейчас они одна за другой взрывались, осыпая всё вокруг дождём из осколков.

Дань Фэн окинул их взглядом и заметил знакомые синие одежды. Глиняная кукла Се Хуньи была прижата к его собственной, их плечи и руки переплетались, и они были опутаны красными нитями, как в гигантском коконе.

Даже зная, что они теперь в одной лодке, Дань Фэн невольно прищурился, глядя на эту интимную сцену.

В его сердце зародилось нехорошее предчувствие.

Сам Се Хунъи всё ещё был последователем Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости, опутан его красными нитями, но при этом уничтожал его подношения. Кто знает, как божество, занимающее пустующий престол, отомстит ему.

— Се Хунъи! — Дань Фэн опустил взгляд, но тот не реагировал. Он тут же обратился к юношам:
— Яд в его теле действует быстро. Прошу вас.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — серьёзно ответила Байли Шулин.

Она переглянулась с Байли Шу. Одна достала мешочек с иглами, другой развернул Зерцало Небесного Истока Целителя и начал быстро искать в нём духовные травы.

Этот фарфоровый бодхисаттва был полон противоречий. Стоило Байли Шулин достать золотую иглу, как спина Се Хунъи слегка дрогнула. Он ненавидел прикосновения посторонних, не говоря уже о том, чтобы позволить расстегнуть свою одежду и вонзить в себя иглы.

Дань Фэн одной рукой прижал его к войлоку, его большой палец упёрся в холодный, как нефрит, шейный позвонок, и он стянул с него одежду.

— Терпи. Мы зашли так далеко, зачем ещё сопротивляться?

Ресницы Се Хунъи дрогнули, но он резко повернул голову, пытаясь вырваться из его хватки.

— Не трогай меня!

Отравлен, откуда столько сил?

Так боится уколов?

Дань Фэн усилил хватку, пресекая его попытки сопротивления, но его голос смягчился.

— Будь паинькой.

Се Хунъи плотно сжал губы, его грудь сильно вздымалась, он был готов задохнуться от гнева. Он всё пытался дотронуться до своего затылка, но его руки были слишком слабы, и они бессильно падали. Дань Фэн запоздало сообразил и, одной рукой убрал с его шеи растрёпанные

чёрные волосы, сказал:

— Юная заклинательница хочет тебя вылечить. Я не буду снимать с тебя нижнюю одежду, это быстро.

— Быстрее, Сяо Лин! — поторопил её Лоу Фэйгуан. Жилы на его шее вздулись, он изо всех сил сдерживал своим ветряным барьером обрушивающиеся с потолка камни и балки. — Здесь слишком опасно, нельзя его вынести?

Байли Шулин не могла отвлекаться. Её техника иглоукалывания, унаследованная от Ваньли Гуйдани, была невероятно искусной, но холод в теле Се Хунъи был настолько силён, что кончик иглы, едва приблизившись, покрывался инеем.

После трёх медленных уколов лицо Байли Шулин изменилось.

— Не получается. Холод беспорядочно движется, не следует по меридианам, я не могу его запечатать.

Байли Шу, глядя на то, куда его сестра ставила иглы, нахмурился, тоже взял золотую иглу и вонзил её в спину Лоу Фэйгуана.

— Ай! — вскрикнул тот. — Байли, ты что, на мне тренируешься?

Байли Шу повернул запястье, и Лоу Фэйгуан, словно фитиль в лампе, вспыхнул ярче. Духовная энергия в его теле увеличилась на треть, и ветряной барьер стал прозрачнее и острее.

— Деревяшка, дарю тебе укол, а ты ещё жалуешься? — Байли Шу, следуя за движениями сестры, ставил иглы на спине Лоу Фэйгуана и бормотал: — Всё правильно, хоть духовные корни и разные, и меридианы тоже, но у заклинателей ветра всё идёт через точки фэн-чи и фэн-мэнь, ошибки быть не должно. Эй, деревяшка, больно?

Лоу Фэйгуан стискивал зубы, но в конце концов не выдержал и закричал.

— А-а-а!

— Больно — значит, правильно. Один укол — и даже деревяшка прозреет, — нахмурился Байли Шу. — Почему нет реакции? Медленно, этот укол снова был медленным.

Игла вошла, но Се Хунъи никак не отреагировал. Его спина была холодна, как лёд. Сердце Дань Фэна сжалось. Он проверил его пульс и понял, что тот потерял сознание.

Тем временем.

В море сознания Се Хунъи раздался смех.

Алый туман рассеялся, и шесть глаз Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости, поспешно появившись, выражали крайнее раздражение.

— Се Хунъи! Это ты меня пробудил, а теперь хочешь уничтожить?

С помощью красной нити оно силой вторглось в его море сознания, но уверенности в себе не чувствовало. Если бы его противник был слаб духом, то всё было бы просто, но в противном случае он мог легко изгнать незваного гостя.

Оно уже пыталось. И, конечно, проиграло.

В отместку Се Хунъи разбил угол его алтаря.

Поэтому, взывая к нему, оно, не скупясь на остатки своей божественной силы, наполнило свой голос искушением, чтобы любой, кто его услышит, почувствовал к нему симпатию.

— Одумайся, и я прощу тебя. Я по-прежнему могу укрепить твой дух и даровать тебе безграничную силу. Или ты хочешь, как в ту снежную ночь, обезуметь до такой степени, что перестанешь узнавать людей?

— Твоя тень полна ненависти и жаждет лишь убийства.

— Тогда, не говоря уже о сострадании, все, кто тебя окружает, умрут от твоей руки!

Ответа не было. В море сознания царила лишь бескрайняя, безмолвная снежная тишина.

— Почему ты не отвечаешь, почему не думаешь, Се Хунъи!

— Потому что ты бесполезен, — тихо ответил Се Хунъи. — Я думал, что божество, занимающее пустующий престол, некогда бывшее богом, обладает чем-то необычным, но оказалось, что ты — лишь фальшивый бодхисаттва.

В тот же миг шесть глаз бодхисаттвы гневно расширились и впились в его профиль.

Это тоже была иллюзия. Юноша, в простых одеждах и с чёрными волосами, хрупкий и пронзительный, одиноко стоял на коленях на подушке для медитации перед целым ледяным дворцом. В этом свете его лицо казалось ещё более холодным и кристальным.

— То, чего я ищу, ты дать не можешь.

Божество, занимающее пустующий престол, посмотрело на дворец, и через мгновение его гнев утих.

— Поистине, люди неблагодарны. Когда ты приходил в прошлый раз, в твоём сердце бушевало огненное море, а теперь — такая тишина. Если бы не моя милость, разве смог бы ты отделить свою тень и обрести этот миг покоя?

— Да, лишь миг покоя. Как же мне не называть тебя бесполезным? — сказал Се Хунъи.

Он обладал врождённым талантом доводить людей до белого каления. Божество, занимающее пустующий престол, хихикнуло, как сваха.

— Это ты слишком жаден. Жадность — самое распространённое, что я видел в своей жизни. Ты жаждешь овладеть злой техникой, но твоё тело не выдерживает. Тяжело, да? Вместо того чтобы мучиться, лучше попроси меня!

— Попросить? — поднял глаза Се Хунъи. — Ты можешь помочь мне открыть дверь?

Дверь?

Перед ним были тяжёлые, алые дворцовые ворота, одни за другими. Под толстым слоем льда не было видно ни блеска, ни роскоши, лишь смутный, скорбный алый цвет.

Хоть эти закрытые ворота и были лишь иллюзией, от них исходила невероятно гнетущая, ужасающая аура, без малейшего намёка на жизнь. Даже божество, занимающее пустующий престол, при появлении в его море сознания, старалось обходить это место стороной.

Видя его молчание, Се Хунъи усмехнулся.

— Ты всё время говоришь, что даруешь мне покой, но как может бессильный говорить о покое?

Его взгляд упал на его собственную ладонь.

Ещё когда он начал практиковать технику Переплавки Тени, его тело перестало развиваться. Поэтому, хоть он и обладал ужасающей силой, способной одним движением обратить плоть в иллюзию, его рука оставалась бледной и худой, с едва заметными мозолями от игры на цине.

Бесконечные тревоги, безмерная усталость, и нет пути назад.

Казалось, в следующую секунду тень увлечёт его в вечную тьму, и лишь этими руками он снова и снова выкарабкивался из-под земли.

Техника Переплавки Тени действительно была противна воле небес. Достигнув совершенства, он лишь дошёл до тупика. Сила, которую не могло выдержать его тело, не раз ставила его на грань полного уничтожения.

Но это был единственный меч, за который он мог сейчас ухватиться.

Каждый раз, стоя перед воротами, он слышал за ними тихий, безмолвный вой ветра, словно всё, что было внутри, могло очнуться, и всё могло вернуться во вчерашний день. Далёкая родина, весенний ветер двадцатилетней давности и огни Чанлю, которых он больше никогда не увидит.

Любой ценой, даже за мимолётное мгновение, он должен...

Не стоять больше молча перед этим дворцом!

Когда он сосредоточился, в его взгляде не было и тени сокрытой жажды убийства. Его длинные, тёмные брови были подобны мечам, скрытым в весенних горах, заставляя забыть о его чертах и видеть лишь холодный блеск.

— Вон из моего моря сознания!

Алый туман вокруг Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости был разорван на куски могучей силой. Шесть глаз, сверкнув ненавистью, всё же были изгнаны волей своего хозяина.

Се Хунъи, находившийся в полубессознательном состоянии, вдруг почувствовал, как его брови дёрнулись, и он очнулся от резкой боли.

Дань Фэн всё это время крепко держал его и, конечно, не упустил предвестников его пробуждения. Его правая рука слегка ослабила хватку и начала мягко массировать его затылок.

Это успокаивающее движение было совершенно инстинктивным, и он сам на мгновение удивился. Но Се Хунъи уже резко открыл глаза, и его взгляд, пронзив растрёпанные волосы и сияние серебряных браслетов, метнулся к нему, холодный, как отражение в зеркале.

Одного взгляда было достаточно, чтобы Дань Фэн понял — он вернулся из своей редкой слабости. Сердцебиение на другом конце красной нити, хоть и было наполовину погребено под снегом, всё ещё таило в себе неукротимую жажду жизни.

— Мои меридианы и даньтянь уже разрушены, не нужно беспокоиться, — сказал Се Хунъи.

Его голос был совершенно спокоен. Дань Фэн нахмурился, а Лоу Фэйгуан воскликнул «ах!», задав за него вопрос:

— Как это возможно?

— Градоначальник Се говорит правду. Все его меридианы были сильно повреждены, — Байли Шулин, хоть и продолжала ставить иглы, в её глазах промелькнула тень сострадания. — Деревяшка, не расстраивайся, у градоначальника Се наверняка есть другие возможности... Ай, твой ветряной барьер!

Жилы на руках Лоу Фэйгуана, поддерживающего ветряной барьер, вздулись. Его лицо обычно было бесстрастным, но сейчас из его глаз едва не вырывался гнев.

— Градоначальник Се, кто вас так?

Сердце Дань Фэна тоже сжалось.

Ещё когда беловолосый целитель замялся, он смутно догадывался, но не думал, что всё настолько серьёзно.

Даньтянь хранит духовную энергию, а меридианы направляют её для использования техник. Если и то, и другое разрушено, значит, тело не может удержать ни капли духовной энергии, и он хуже, чем простой смертный.

Он видел немало учеников Обителю Сихэ, чей даньтянь взрывался из-за их воинственности. Независимо от их таланта, их путь заклинателя был прерван, и это был сокрушительный удар по их духу.

Откуда у Се Хунъи сейчас сила ветра?

Духовные лекарства, артефакты или эти серебряные браслеты с запретным именем почтенного?

Внешняя сила рано или поздно иссякнет. Но судя по их нескольким схваткам, дух Се Хунъи всегда был острым, как весенний лёд, без тени страха. Это была абсолютная самоуверенность, словно в этом хрупком теле всё ещё таилась сокрушительная мощь.

После разрушения меридианов, другие возможности...

Когда Байли Шулин поставила последнюю золотую иглу, затылок Се Хунъи покрылся тонким слоем пота, оставив после себя холодный блеск, подобный нефриту.

Байли Шулин вдруг почувствовала, что смотрит на то, на что не должна, и резко отвела взгляд.

— Мои... мои навыки невелики. Это лишь временная мера. Градоначальник Се, вам нельзя больше напрягаться, нужно найти место для отдыха и изгнания яда.

— Спасибо.

Стоило Се Хунъи это сказать, как Дань Фэн опередил всех и поправил на нём синие одежды. Движение было мягким, но исходящий от него жар таил в себе недобрые намерения.

Несколько железных пальцев снова сомкнулись на его затылке.

— Се Хунъи, ты уверен, что возможность, которая, по-твоему, способна изменить судьбу, действительно возможность? — спросил Дань Фэн.

Брови Се Хунъи слегка изогнулись, и на его губах появилась холодная усмешка.

— Приложить все силы — это возможность. Выжить в безвыходной ситуации — это судьба. Что в этом плохого?

— В таком случае, я тоже верю, что всё в руках человека, — сказал Дань Фэн и, сжав его шею, резко надавил. — Се Хунъи, обернись!

Имя, произнесённое под светом фонаря, не давало ему права не обернуться!

Алый свет фонаря скользнул по лицу Дань Фэна, подобно молнии в грозовых тучах, меняя его выражение.

Сейчас.

В тот миг, когда он заставил Се Хунъи обернуться, их тени поменялись местами.

Все раны на теле Дань Фэна болели. Но вместо того чтобы полагаться на чью-то защиту, он всегда предпочитал брать инициативу в свои руки.

Он зацепил красную нить пальцем и притянул Се Хунъи к себе. В глазах того мелькнуло недовольство, но он уже, слегка наклонив шею, позволил Зеркалу малого возвращения духа соскользнуть по своей мощной шее и лечь в ладонь Се Хунъи.

— Держись крепче, — сказал Дань Фэн.

Трое юных заклинателей переглянулись. В их глазах, помимо страха, промелькнуло странное уважение.

— Ты действительно посмел похитить градоначальника и сделать его своей тенью! — воскликнул Байли Шу.

— Почтенный... почтенный господин... почему он тебя не убил? — спросил Лоу Фэйгуан.

— Деревяшка! — сказал Байли Шу. — Они же связаны. Кто знает, что будет дальше.

— Благодарность за иглоукалывание запишите на счёт градоначальника Се. Вам здесь не место, — бровь Дань Фэна слегка изогнулась. — С остальным мы разберёмся сами.

Он не обернулся и не собирался благодарить их от имени Се Хунъи. Он просто схватил троих юношей и одного за другим выбросил их из башни.

Бум-бум-бум!

Он рассчитал время с идеальной точностью. Стоило им, пошатываясь, приземлиться, как Башня Юньшао рухнула, открыв взору безмолвное ночное небо.

Лунный свет лился вниз, но всё ещё был скрыт за тысячами слоёв алого тумана, оставляя лишь зловещую ауру. Шесть гигантских глаз божества, занимающего пустующий престол, в алых облаках ненавидяще и поспешно замигали.

Взгляд Дань Фэна резко стал острым, и он посмотрел на алтарь в небе.

В алтаре, в облупившейся краске, можно было ясно разглядеть истинное тело божества. Вокруг него стояли лишь три глиняные куклы.

Невеста Ванцзин, Се Хунъи и он сам.

— Се Хунъи, как думаешь, этот призрачный бодхисаттва слеп или нет?

Он говорил небрежно, но его тело было напряжено до предела, готовое к последнему удару Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости.

В этих объятиях, подобных объятиям обречённых влюблённых, он увидел пальцы глиняных кукол.

Так называемая идеальная пара, а в руках — нож.

Глиняная кукла в синих одеждах прижималась к нему, но красная нить, выходящая из её пальцев, мёртвой хваткой сжимала его шею. Его глиняная кукла отвечала объятием, её мышцы были напряжены, словно она хотела задушить его.

Цвет красной нити становился всё темнее, почти кадая кровью.

Самые близкие и самые далёкие, с пропастью между ними. Проклятие или судьба — всё решается в одно мгновение. Самое непостоянное в мире — это брак. Как может эта красная нить на пальце быть безвредной?

В этот момент Се Хунъи вырвался из его хватки и, превратившись в лёгкий силуэт, встал рядом с ним, слегка зацепив Зеркало малого возвращения духа.

Дань Фэн не сопротивлялся.

Се Хунъи не испытывал к нему добрых чувств, но он был единственным, кого он мог использовать. Пока они не перешли реку, они не могли сжечь мост.

А что касается конца этой реки...

Одинокая фигура в наряде феникса, неизвестно когда, появилась неподалёку и, подражая Се Хунъи, тоже поманила его пальцем.

Се Хунъи нахмурился и, незаметно бросив на неё взгляд, всё же не смог укрыться от ястребиного взора Дань Фэна.

Бездонная пропасть между ними — тень!

Даже в этот момент Се Хунъи не отказался от тени. Зеркальные клинки за спиной Дань Фэна тоже загудели, и печать телепортации, заключённая в них, была на грани срыва.

Он дал Се Хунъи достаточно времени. Ради всех жителей этого города. Но это не означало, что он отказался от своего наваждения.

Стоит им вместе покончить с божеством, занимающим пустующий престол, как тут же начнётся жестокая битва, исход которой неизвестен.

На другом конце красной нити всё ещё было холодное сердцебиение Се Хунъи. Несколько холодных, как железо, пальцев, через Зеркало малого возвращения духа, легко коснулись его

шеи.

— Так холодно? — кадык Дань Фэна дёрнулся, и он пробормотал: — Не обнимаю ли я змею в снегу?

— Чего ты боишься? — усмехнулся Се Хунъи.

— Ты и так всё знаешь. Какая разница, сначала перейдём реку. Не перейдём — никто на берег не выйдет! — сказал Дань Фэн.

С этими словами он посмотрел на статую бодхисаттвы в небе, и в его глазах вспыхнула истинная жажда убийства. Любой, кто оказался бы под этим расплавленным, ужасающим ало-золотым взглядом, почувствовал бы, что его вот-вот разорвёт на куски.

— ...Как ты смеешь не почитать!

— Почитать тебя за что? За то, что ты сводишь не тех людей? Или за то, что ты, глиняный бодхисаттва, сам тонешь? — сказал Дань Фэн. — Призрачный бодхисаттва, у тебя самого-то есть брак?

Треск!

Глиняная кукла бодхисаттвы снова треснула. Шесть гигантских глаз в небе в мгновение ока разлетелись на тысячи осколков. Давление запретного имени заставило кровь выступить из глазниц Дань Фэна.

— Меньше болтай! — крикнул Се Хунъи.

— Непочтительный, неблагочестивый, проклятие — судьба — изменчива! — взревело божество, занимающее пустующий престол.

Всё произошло в мгновение ока. Красная нить, обвивавшая глиняных кукол, стала чёрно-красной. Глиняная кукла в синих одеждах взвизгнула, и на его лице появилось выражение ненависти. Он бросился на свою пару, и половина лица того разлетелась на куски.

Проклятие и судьба изменчивы, идеальная пара превратилась во врагов.

Дань Фэн, ступив на обломок стены, подпрыгнул. Его запястье повернулось, и клинок Фэнъе, вылетев из его дантяня, с ужасающим воем устремился к истинному телу божества. Где бы ни проходил его свет, раздавался треск фарфора.

Красная нить, связывавшая их всю ночь, наконец, порвалась.

Но в этот момент чья-то рука упёрлась ему в спину, и клинок пронзил его сердце.

Се Хунъи!

Дань Фэн содрогнулся и, выплюнув полный рот крови, рухнул на землю. Кусок зеркального клинка торчал из его груди, и изображения двух фениксов на нём были залиты хлынувшей горячей кровью. Этот кровавый зеркальный блеск и внезапная, кипящая боль пробудили в нём смутные воспоминания.

Тот, кто когда-то за его спиной заключил с ним союз.

«В ста шагах от меня, не оборачивайся, и я тебя не убью».

Привычка доверять спине... постепенно приближающееся тепло... словно горсть снега, которую он держал в ладони много лет, и которая, наконец, растаяла...

Пока за озером Белой Пагоды не пролился кровавый дождь, и Иллюзия из плоти и крови не разорвала на куски какую-то часть его тела.

Каждое сближение с этим человеком было причиной и следствием, неразрешимым долгом, и так продолжалось до сегодняшнего дня.

За миг до падения Дань Фэн резко схватил Се Хунъи за запястье и швырнул его под себя. Пронзивший его грудь зеркальный клинок завис над шеей того и, с каждым его тяжёлым, предсмертным вздохом, приближался к горлу, окрашивая алую, холодную, как нефрит, кожу.

— Ты действительно думал, что я тебя не узнаю... Се Хунъи!

Ответа не требовалось.

Глаза Дань Фэна были залиты кровью, и из них исходил ужасающий золотисто-красный свет. Пять пальцев, лежавшие на лице Се Хунъи, с силой провели по нему, словно пытаясь высечь черты из холодного, безжалостного камня.

— Хочешь просто так забрать тень? Снова хочешь сбежать? — хрипло произнёс Дань Фэн. — Проклятые браслеты, из-за них я ничего не видел